

ИДЕАЛЬНЫЙ

ТРИЛЛЕР

ТАРРИН
ФИШЕР

ВСЕ ЕГО
ЖЕНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф68

Tarryn Fisher
WIVES

Серия «Идеальный триллер»

Публикуется с разрешения издательства Harlequin Books
S.A. и литературного агентства Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Перевод с английского *Дарьи Сорокиной*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Фишер, Таррин.

Ф68 Все его жены : [роман] / Таррин Фишер ; [перевод с английского Дарьи Сорокиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Идеальный триллер).

ISBN 978-5-17-119679-0

У главной героини триллера экзотическое имя – Четверг – и непростая жизнь. Она очень любит своего мужа, но видится с ним, по иронии судьбы, только... по четвергам. Остальные дни Сет проводит с двумя другими своими женами, которых Четверг никогда не видела и ничего о них не знает.

Однажды, стирая вещи мужа, она находит в кармане записку с напоминанием о встрече с женщиной по имени Ханна. Интуиция подсказывает, что Ханна одна из его жен. Четверг не хотела нарушать договоренность со своим мужем, но все же выследила Ханну и завела с ней дружбу. Ханна понятия не имеет, с кем имеет дело. Но чем ближе они становятся, тем больше раскрываются друг другу. Однажды Ханна приходит в синяках и становится очевидно, что это дело рук ее мужа. Это открытие шокирует, ведь Сет никогда не бывал жестоким по четвергам.

Кем он является на самом деле и как далеко его жена готова зайти в другие дни, кроме четверга? Рискнет ли она жизнью, чтобы узнать его «поближе»?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119679-0

© Tarryn Fisher, 2019
© Дарья Сорокина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Колин

1

Он приходит по четвергам, каждую неделю. Это мой день, я — Четверг. День надежды среди более важных дней; не начало и не конец, но передышка. Аперитив перед выходными. Иногда я думаю о других днях: думают ли они обо мне? Ведь женщины так устроены, верно? Всегда интересуются друг другом — любопытство и ненависть сливаются в маленьких лужицах эмоций. Ничего хорошего тут нет; если слишком много думать, можно натворить ерунды.

Накрываю стол на двоих. Немного медлю, когда выкладываю столовое серебро, пытаюсь вспомнить, что куда полагается по этикету. Провожу языком по зубам и качаю головой. Это просто нелепо; мы с Сетом будем сегодня только вдвоем — домашнее свидание. Впрочем, иначе почти и не бывает — мы нечасто рискуем ходить на настоящие свидания, где нас могут увидеть вместе. Только представьте... Ты опасаясь, что тебя увидят с твоим собственным мужем. Или твой муж не

хочет, чтобы его видели вдвоем с тобой. Стопка водки, выпитая чуть раньше, согревает, дарит расслабленность и беззаботность. Опуская рядом с тарелкой вилку, я чуть не роняю вазу с цветами — букет бледных роз, вполне оправдывающих свое название. Я выбрала их за едва уловимую сексуальность, ведь в моем положении крайне важно быть на пике любовной игры. *Посмотри на эти нежно-розовые лепестки. Они напоминают мой клитор? Прекрасно!*

Справа от цветов стоят две белые свечи в серебряных подсвечниках. Однажды мама сказала, что в мерцающем пламени свечи женщина выглядит почти на десять лет моложе. Маму всегда волновали подобные вещи. Каждые шесть недель доктор протыкал ей иглой лоб, запуская под кожу тридцать кубиков ботокса. Она была подписана на всевозможные гляцевые журналы и собирала книги о том, как удержать мужа. Никто не прикладывает столько усилий, чтобы удержать мужа. Особо стараться начинают только те, кто его уже потерял. Раньше, когда я еще свято верила в идеалы, я считала ее поверхностной. У меня были большие планы отличиться от матери во всем: быть любимой, успешной, родить прекрасных детей. Но увы, желание сердца — лишь слабый ручей против потока воспитания и природы. Ты можешь плыть против него всю жизнь, но постепенно устанешь, и тогда поток генов и воспитания утянет тебя под воду. Со временем я стала очень похожа на нее и лишь немного — на себя.

Кручу пальцем колесико зажигалки и подношу пламя к фитилю. На «Зиппо» виднеются остатки потертого английского флага. Мерцающий язычок напоминает мне о коротком опыте курения. В основном чтобы казаться круче — я никогда не затягивалась, но мне нравилась сияющая искра на кончиках пальцев. Родители купили подсвечники мне в подарок, для домашнего уюта, после того, как я присмотрела их в каталоге Тиффани. Предсказуемо роскошные. Сразу после свадьбы ты смотришь на пару подсвечников и представляешь долгие годы домашних ужинов, дополненных такой красотой. Именно таких, как сегодня. Моя жизнь почти идеальна.

Я складываю салфетки и смотрю в эркерное окно — передо мной простирается парк. Погода серая, типичный Сиэтл. Я выбрала эту квартиру именно из-за вида на парк, хотя другая, выходящая на Эллиот-Бей, была гораздо больше и лучше. Большинство предпочитают вид на воду, но я больше люблю наблюдать за людьми. Седая пара сидит на скамейке, наблюдая за тропинкой, на которой каждые несколько минут можно встретить велосипедистов и любителей оздоровительного бега. Прекрасные в своей седине наблюдатели не прикасаются друг к другу, но их головы синхронно поворачиваются, когда кто-то появляется на тропинке и исчезает снова. Интересно, ждет ли такое будущее нас с Сетом? Потом я вспоминаю других и чувствую, как к щекам приливает краска. Представлять будущее — непростая задача, когда делишь мужа с двумя другими женщинами.

Я ставлю на стол бутылку «Пино-гри», выбранную сегодня на рынке. Обычная этикетка, ничего выдающегося, но строгий мужчина, который мне ее продал, подробно описал вкус, потирая пальцы. Я не помню, что именно он рассказывал, хотя это было всего несколько часов назад. Я была слишком озабочена покупкой продуктов. Мама учила меня: готовка — единственный способ быть хорошей женой.

Я делаю шаг назад и оцениваю оглядывая результат работы. Стол впечатляющий, но королевой вечера буду я. Все именно так, как любит он, а значит, люблю и я. Нельзя сказать, что у меня нет индивидуальности, просто вся моя индивидуальность предназначена для него. Как и должно быть.

Ровно в шесть я слышу, как поворачивается в замке ключ и со свистом открывается дверь. Потом щелчок, когда она закрывается, и бряцанье его ключей, брошенных на столик в прихожей. Сет никогда не опаздывает: при такой сложной жизни, как у него, четкий распорядок крайне важен. Я приглаживаю с огромным трудом завитые волосы и выхожу из кухни в коридор, ему навстречу. Он разглядывает почту, которую держит в руке, с кончиков волос капает вода.

— Ты забрал почту! Спасибо.

Я смущаюсь восторга в собственном голосе. Господи, да это всего лишь почта!

Он кладет стопку на маленький мраморный столик в прихожей, рядом с ключами, и улыбается. Меня начинают даже слегка настораживать замиранья

моего сердца и бросает в жар от удовольствия. Я подхожу к его широкой груди, вдыхаю его аромат и утыкаюсь лицом в шею. В прекрасную шею, широкую и загорелую. Грациозно поддерживающую голову с превосходными волосами и классически красивым лицом. Я в страстном порыве вся прижимаюсь к нему. Пять дней — долгий срок без любимого мужчины. В юности я считала любовь обузой. Как вообще можно заниматься делами, если каждую секунду приходится думать о другом человеке? После встречи с Сетом все мои принципы полетели к чертям. Я превратилась в то, что видела в собственной матери: обожающую, покладистую шовинистку — эмоционально и сексуально. Это поразило и возмутило меня.

— Я скучала, — говорю я ему.

Целую его в подбородок, в нежную кожу под мочкой уха, а потом встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до губ. Я изголодалась по вниманию и целую агрессивно и глубоко. В его груди раздается стон, и портфель со стуком падает на пол. Он обхватывает меня руками.

— Прекрасная встреча, — произносит он. Два его пальца скользят по моим позвонкам, как по саксофону. Он мягко массирует меня, и я придвигаюсь ближе.

— Я бы сделала ее еще лучше, но ужин готов.

Его взгляд затуманен, и я внутренне ликую. Я завела его меньше чем за две минуты. Хочется сказать: «*Видели?!*» Но кому? Что-то разматывается у меня в животе, нитка раскручивается и раскручивается. Я пытаюсь поймать ее, пока не поздно.

Почему я постоянно думаю о них? Основная задача как раз о них *не* думать.

— Что ты приготовила? — Он разматывает шарф и оборачивает его вокруг моей шеи, прижимает меня к себе и снова целует. Его голос согревает мое ледяное оцепенение, и я прогоняю непрошенные чувства, исполненная решимости не портить совместный вечер.

— Пахнет здорово!

Я улыбаюсь и плавной походкой возвращаюсь в столовую — пора кормить его ужином. Задерживаюсь в дверях, чтобы проследить за его реакцией на стол.

— Как красиво!

Он протягивает ко мне сильные загорелые руки с прожилками вен, но я игриво отскакиваю в сторону. На оконном стекле за его спиной виднеются капли дождя. Я выглядываю из-за его плеча — пара со скамейки ушла. Чем они будут ужинать? Едой из китайского ресторана? Супом из банки?

Ядвигаюсь по кухне и слежу, чтобы Сет не сводил с меня взгляда. Он научил меня — можно полностью завладеть вниманием мужчины, если правильно двигаться.

— Каре ягненка, — сообщаю я через плечо. — И кускус...

Он берет со стола бутылку вина, держит за горлышко и наклоняет, чтобы рассмотреть этикетку.

— Хорошее вино.

Сет не пьет вино; во всяком случае, с другими. По религиозным причинам. Но для меня он делает

исключение, и я считаю это еще одной своей маленькой победой. Я соблазнила его темно-красным «Мерло» и бодрящим «Шардоне». Мы целовались и смеялись, и пьяными предавались долгожданному любовным утехам. Только со мной, с ними он так не делал.

Глупо, знаю. Я сама выбрала такую жизнь, и ее смысл — не соревнование, а забота, но невозможно удержаться и не вести счеты, когда рядом есть другие женщины.

Когда я возвращаюсь из кухни и несу между двумя полотенцами горячий ужин, он уже разлил вино, пьет его и смотрит на улицу. Под окном двенадцатого этажа пульсирует вечерний город. Перед парком проходит оживленная улица. Справа от парка, вне поля зрения — Зунд, покрытый лодками и кораблями летом и скрытый в тумане зимой. Его видно из окна спальни — широкий водный простор. Идеальный вид на Сиэтл.

— Плевать на ужин. Хочу тебя, немедленно, — говорит он. Тон командный, Сет не оставляет места для обсуждений. Эта черта сослужила ему хорошую службу во всех сферах жизни.

Я ставлю блюдо на стол, чувствуя, как во мне пробуждается совсем другой аппетит. Наблюдаю, как он задувает свечи, не сводя с меня глаз, и иду в спальню, расстегивая на ходу платье. Медленно, чтобы он видел, стягиваю с себя шелк. Я чувствую его сзади: его присутствие, его тепло, его нетерпение. Мои идеальный ужин стынет на столе, жир ягненка сгущается по краям блюда, а я выскальзы-

ваю из платья и наклоняюсь вперед, упираясь руками в кровать. Запястья тонут в пуховом одеяле, его пальцы касаются моих бедер и цепляют упругую резинку на талии. Он стягивает трусики, они сползают к лодыжкам, и я скидываю их на пол.

Звон металла и свист его ремня. Он не раздевается — слышен только глухой звук спадающих вниз штанов.

Уже после я разогреваю ужин в микроволновке, завернувшись в халат. Я чувствую пульсацию между ног, чувствую, как стекает по бедрам семя; все болит самым лучшим образом. Я несу ему тарелку с едой, он лежит на диване без рубашки, закинув руку за голову, — картина изнеможения. Я не могу сдержать широкой улыбки, хотя пытаюсь. Улыбка школьницы прорывается сквозь мою обычную сдержанность.

— Ты красивая, — произносит он, увидев меня. Хрипловатым голосом, как всегда после секса. — С тобой было так хорошо!

Пока я передаю тарелку, он гладит меня по бедру.

— Помнишь, мы обсуждали совместный отпуск? Куда хочешь поехать?

Типичная беседа с Сетом после близости: он любит говорить о будущем после того, как кончит.

Помню ли я? Конечно, помню. Я изображаю удивление.

Он обещает мне эту поездку уже год. Только мы вдвоем.

Сердце начинает биться быстрее. Я так этого ждала. Не хотела давить на него, ведь он был очень

занят, но провела в мечтах целый год. Я представляла места, куда мы можем отправиться. Определилась, что это будет пляж. Белый песок, бирюзовая вода, долгие прогулки вдоль кромки прибоя, держась за руки прилюдно. *Прилюдно.*

— Куда-нибудь, где тепло, — отвечаю я. Зрительного контакта избегаю — не хочу, чтобы он заметил, насколько мне не терпится получить его в полное распоряжение. Как я нуждаюсь в нем, какая я ревнивая и мелочная. Позволяя халату раскрыться, я наклоняюсь, чтобы поставить его вино на газетный столик. Он протягивает руку и обхватывает мою грудь, как я и ожидала. В некоторых моментах он предсказуем.

— Турция или Кайкос? — предлагает он. — Тринидад?

Да и да!

Я опускаюсь в кресло напротив дивана и закидываю ногу на ногу, чтобы халат распахнулся и показалось бедро.

— Выбирай, — говорю я. — Ты путешествовал больше, чем я.

Я знаю, он любит принимать решения. Да и какая мне разница, куда мы поедем?! Если я получу его на целую неделю, непрерывно, безраздельно! На эту неделю он станет только моим! Мечта! Но наступает момент, которого я боюсь и ради которого живу.

— Сет, расскажи, как прошла неделя.

Он ставит тарелку и складывает кончики пальцев. Они блестят от мясного жира. Мне хочется подойти и засунуть их себе в рот, обсосать дочиста.